

ТРАДИЦИЯ И ПАМЯТЬ КАК АРХИВ КУЛЬТУРЫ: ФИЛОСОФСКОЕ РЕФЛЕКСИЯ НАСЛЕДИЯ**

В статье высказывается идея о том, что в современной культуре существуют два способа меморизации смыслов прошлого: традиция и наследие. Сравнительный анализ категорий позволил выявить специфику их содержания и значения для «гиперархива» культуры.

Ключевые слова: культура, традиция, наследие, память, архив.

В литературе можно встретить такую фигуру речи: «Мы над временем не властны»... Кажется, что эти слова звучат убедительно и с ними нельзя поспорить. Я намерена оспорить эту очевидность и сформулировать главную мысль статьи: прошлое – податливый для изменения материал культуры, так как в нашей власти находится то, что мы о нем знаем, и как мы научились с ним жить, сохранять его для настоящего и будущего.

Предметом внимания выступает не любое прошлое, но то, которое мы называем культурной традицией и наследием. Сейчас можно зафиксировать отчетливую тенденцию: в научный и информационный оборот вместо понятия традиция активно инвестируется категория наследие. Энергичное использование понятия наследия для описания культурного богатства прошлого в известной степени вытесняет из научного и социального словаря категорию традиции. Почему внимание исследователей и социальных практиков привлекает наследие, а не традиция или историческая преемственность, память? Полагаю, что мотив выбора связан с содержанием категорий. Если традицию принято противопоставлять современности, моде, настоящему, то в понятии наследия этого противостояния нет, напротив, оно предполагает синтез традиции и современных практик жизни, прошлого и настоящего культуры. Наследие – это совокупность достижений общества, его исторический опыт, сохраненный в архиве социокультурной памяти. Наследие как особый институт представляет прошлое не просто как давно ушедшее, но как востребованное для современности.

Неявное противопоставление традиции и наследия имеет методологические и содержательные последствия для исследования и разработок стратегий сохранения прошлого. Так в традиционных культурах прошлому всегда приписывался характер избыточного по отношению к настоящему, традиция исполняла роль приоритета и опоры для «бедности» настоящего, у нее надо было учиться и осваивать в исходных,

* © Соловьева С.В., 2013

Соловьева Светлана Владимировна (metaphisica@rambler.ru), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1; кафедра философии и политологии Самарской государственной академии культуры и искусств, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

** Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-14-63004 «Феномен молодежной культуры в традиционном песенном фольклоре Самарского края» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2013 года).

аутентичных формах. В современной культуре, напротив, актуальное настоящее избыточно в отношении к узким анклавам культурного и исторического прошлого, которое, как песок, смывается под напором крутой волны техногенной цивилизации. Прошлое и сейчас берегают, но традиция стремительно теряет статус «канона» и доминанты, обретая форму «архива», специальной территории, на которой можно осуществить трансфер к смысловой плотности ушедшей культуры. Теперь мы уже не окунаемся в традицию, не пытаемся перенять парадигмы ушедшей культуры, но просто «сталкиваемся» с ней.

Если ранее механизмом преемственности культуры выступала традиция, которая закрепляла систему нравов, обычаев и любых форм общежития людей, то в настоящее время институтом, отвечающим за сбережение давнего, становится наследие. Последнее не предполагает мимесис, прививку подражания культурным кодам прошлого, скорее, оно ориентировано на «культурную реконструкцию». Здесь ушедшее должно быть встроено в систему экономического и символического обмена. Для наследия как формы сохранения прошлого важным становится не просто запись, книга, историческая память, но архив. «Слово “Архив”, происходящее от латинского *Archium* или *Archivium*, письменохранилище, образовавшегося от греческого *ἀρχεῖον* (*ἀρχεῖος* – старый, *ἀρχή* – начало, *principium*) – в обширном смысле означает все старое, сохранившееся. В тесном смысле Архив – установление, устраивающееся для хранения письменных документов» [1]. В XX веке архив перестает быть просто учреждением для хранения, осваивания и работы с письменными документами; содержание понятия стремительно расширяется, становясь жизнеспособным концептом, метафорой, активно используемой в теории и современных культурных практиках. Архив преодолевает границы специальных дисциплин (например, архивоведения), переходя в дискурс множества наук о культуре.

Если до XIX века архив преимущественно обслуживал политические и административно-хозяйственные нужды власти, то в программной работе В. Дильтея «Литературные архивы и их значение для изучения истории философии» [2] обоснована идея создания литературного, шире – культурного архива для сохранения поэтических, философских, исторических и научных рукописей. Второй вехой в расширении архива как понятия и культурной практики стала работа М. Фуко «Археология знания», где он представил его как «историческое априори» («не только система темпорального рассеивания, но и преобразующая совокупность»). Архив – это не сумма текстов, сохраненных культурой как документы прошлого, а «закон того, что может быть сказано», он определяет уровень языковых практик, вещей и событий высказывания [3, с. 127–129]. «Анализ архива предполагает привилегированный регион: одновременно близкий нам, но отличный от нашей актуальности, – это кромка времени, которая окружает наше <...> устанавливает наши пределы» [3, с. 130]. Наконец, Деррида, обращаясь к «Чудо-блокноту» Фрейда, рассмотрел архив как институт, который лежит в основе исторической памяти, находящейся под угрозой затухания и стирания информации – того, что сохранено в неосознанном воспоминании [4]. Подобное смысловое разнообразие концепта «архив» позволяет толковать расширительно, интерпретируя традицию и культурно-историческую память как «архив культуры», т. е. механизм, позволяющий знать и владеть прошлым через дистанцию и «внезаходимость» ушедшего.

Традиция и наследие как два института преемственности культуры различает тип и стиль «работы» памяти. Традиция существует там, где приобщение субъекта культуры к прошлому происходит в границах повседневных практик, вхождение в традицию сходно с освоением языка. Память культуры оперативна, она ликвидирует смысло-

вую дистанцию между нынешним и вчерашним, между человеком настоящего и культурой прошлого. В традиционных культурах срабатывала символика «золотого века», было важно помнить, но чтобы что-то сохранять в памяти, необходимо было сделать это моментом настоящего, актуального выбора, убрать дистанцию, включив прошлое в регулярные действия людей. Как верно полагал М. Хальбвакс, для удержания значимого прошлого в жизни человека мало ресурсов индивидуальной памяти, необходима сила коллективной памяти, посредством работы которой «фиксируются не только факты, но и прежние образы действий и мыслей» [5]. Так работает память в традиции. В современных культурах работа памяти иная, она действует по принципу «забыть, чтобы помнить». Сначала смысл должен быть утерян, забыт, а затем восстановлен в архивах культуры. Здесь действует не механизм мимесиса (традиционен тот, кто более аутентичен), а реконструкции, воссоздание первоначального вида имеющимися в настоящем культурными средствами и техниками. Так традиция переходит в статус наследия, где оперативная память преемственности смыслов заменяется на механизм памяти по принципу забыть/вспомнить. Именно продуктивная сила забвения позволяет культуре постмодерна актуализировать смыслы прошлого. «Забвение — пишет П. Рикер, — не только враг памяти и истории. <...> Существует также забвение-резерв, являющееся на самом деле ресурсом для памяти и истории, хотя и невозможно определить результат этой гигантомахии. Такое двойное значение забвения можно понять только в том случае, если поместить проблематику забвения на уровень исторического состояния, лежащего в основе всех наших отношений со временем» [6].

Наиболее результат работы культурной памяти воплощен в теле «памятника». Памятником можно считать такой артефакт или фрагмент «живого, экспрессивного» наследия прошлого, содержание которого шире его актуального значения, конкретных утилитарных, эстетических и других функций [7]. Символический слой памятника преодолевает границы повседневности и поднимает предмет на уровень канона, священного предмета за счет установления своеобразной связи с трансцендентным. «Когда сооружают памятник, — пишет М. Хайдеггер, — воздвигают здание, ставят на празднестве трагедию. Такое выставление — это восстание, воздвижение в смысле освящения, восславления. Восстанавливать — не то же самое, что располагать, помещать. Освящать — значит святить в том смысле, что в творческом воздвижении все священное раскрывается именно как священное и бог призывается в разверстые просторы своего пребывания» [7].

Памятник всегда аккумулирует в своем «культурном теле» силовой потенциал множественности будущих интерпретаций. Поэтому-то памятник может выступать единицей наследия, в нем наиболее полно представлена смысловая плотность прошлого, достойная удерживания в коллективной памяти культуры. Социальная роль памятника в традиции и наследии различна. Если традиция как фигура статическая ориентирована на сохранение, консервирование смыслов прошлого (традицию интересует «аутентичный» слой памятника), то наследие — категория динамическая, предполагающая активное «со-творение» прошлого и его представление как социального ресурса. Памятник в наследии выступает «соединительным устройством», осуществляющим трансфер прошлого в современность, тогда как в традиции памятник единит человека с трансцендентным, порождает опыт священного.

Кроме материальных памятников (это объекты, имеющие археологическую, историческую, религиозную, эстетическую или иную ценность) в структуру наследия включены уникальные и особо ценные культурные или природные ландшафты, живое или «экспрессивное» наследие (социальные практики, верования, язык, искусства

и ремесла, музыка, танец, поэзия и литература). Наследию и традиции приписывают заметную роль в обеспечении устойчивого развития общества, оно создает специфическую «подушку безопасности», снабжая наглядными примерами и алгоритмами многовекового выживания человека в определенной природной и социальной среде. Сегодня мир сталкивается с парадоксом: с одной стороны, культурное наследие находится под угрозой исчезновения и вытеснения, с другой, никогда раньше оно не вызывало такого большого интереса.

Определения понятия наследия в философском словаре нет, его можно найти в толковом словаре русского языка: «I ср. Явления культуры, науки, быта и т. п., полученные от предыдущих эпох, предшествующих поколений или отдельных деятелей. II ср. разг. 1. Имущество, переходящее после смерти его владельца новому лицу; наследство. 2. разг. То, что осталось от предшествующего владельца; наследство» [8]. Национальное наследие России понимается как «совокупность культурных центров, памятников архитектуры и других ценностей, составляющих общее достояние народов России». Указом Президента Российской Федерации (1991 г.) к особо ценным объектам национального наследия отнесены 19 памятников: Московский Кремль, Большой и Малый театры, Московская консерватория им. П.И. Чайковского, Российская государственная библиотека, Эрмитаж и прочее [9].

Несмотря на существование культурного института наследия, теоретическая проработка категории в отечественной науке находится у своих истоков. Проблема трансляции наследия и его соотношения с новыми культурными практиками остается открытой. Так возникает целая серия вопросов: каковы границы наследия, что потенциально попадает в круг наследия? Какова связь между традицией и наследием? Всегда ли наследие — это институционально оформленное явление? Если да, то, как наследие обнаруживает свою идеологическую и политическую функцию? Не случайно слово архив в исконно греческом содержании имеет значение власти («*архί*» — начало, зачин, главенство).

В современной культуре процесс сохранения культурной информации вышел за границы институтов (музеев, библиотек, архивов) и приобрел очертания повседневной практики (очевидный пример — производство и хранение огромного количества информации любыми пользователями компьютера) [10]. Процесс устаревания информации, продукции культурных индустрий стремителен, но не всякое «архивирование» переводит культурный артефакт в «сохраняемое прошлое культуры». В наследии должно быть не просто оставшееся от предшественников (наследство), но прошлое, имеющее статус авторитета, канона. Поэтому наследие имеет не только культурный, но и политический потенциал, через его посредство осуществляется легитимация части актуальных культурных смыслов, а проблема оригинальности и подлинности наследия начинает выходить за границы вопроса о его интерпретации, сопровождаясь практиками экономической необходимости и политического управления. В наследии заложен критический потенциал отношения к романтическому пониманию традиции эпохи Просвещения. Наследие осмысляет культурное прошлое через его обновление и включение в актуальность настоящего, оно преодолевает догматические рамки традиционализма.

Каким должно быть культурное творение, чтобы попасть в элитарное поле наследия? Ответ кажется простым: оно должно иметь статус произведения, т. е. обладать уникальным смыслом и иметь непреходящее значение. Способна ли актуальная культура, работающая в алгоритме массового производства и имеющая индустриальный характер, создать нечто достойное включения в национальное наследие? И что если пойти другим путем, не создавать уникального произведения непреходящей ценнос-

ти, а из архива культуры извлекать, тиражировать, сохранять уже когда-то накопленное культурой? Любая культура идет обоими путями: наращивает наследие за счет актуализации прошлого и за счет нового, изначально претендующего на место в гиперархиве культуры.

Общество потребления трансформирует способ использования культурного наследия. Музейные экспозиции, театральные и хореографические постановки, концерты симфонической или народной музыки, художественные выставки и литература превращаются в «продукты». Вместе с тем наследие как «продукт» на рынке культурных ресурсов и услуг имеет специфические особенности. Современная музеефикация объектов, экономическое продвижение памятников встраивается в символическую логику общества потребления. «Потребление, — как пишет Ж. Бодрийяр, — есть активный модус отношения — не только к вещам, но и к коллективу и ко всему миру, — в нем осуществляется систематическая деятельность и универсальный отклик на внешние воздействия, на нем зиждется вся система нашей культуры» [11, с. 164]. Логика потребления — это логика социальных различий, где предметам культурного наследия принадлежит привилегированное положение, поскольку создает «эксклюзивный» процесс «манипулирования» знаками высокой культуры, сохраняемой государством и обладающей статусом национального наследия. Наследие активно включается в логику социальных различий. Изменяется ли при этом его судьба? Думаю, что да. Конечно, оно, может быть, перестает быть столь аутентичным, как хотелось бы. Примером тому служит реконструкция Летнего сада в Санкт-Петербурге, организованная Русским музеем, который выступал своеобразным «гарантом» качества. Но даже в таких обстоятельствах новый вид парка вызвал жесточайшую критику, а сам факт реконструкции многими экспертами был признан ошибкой. Тем не менее, работа над созданием объектов культурного наследия как предмета широкого публичного потребления делает культуру более демократичной и открытой, дает доступ к историческим ценностям не только экспертам и элитам, но и обывателям. История и ценности прошлого популяризируются, включаются в разнообразные стратегии интерпретации, а значит, служат целям просвещения и культуры.

Таким образом, осмысление традиции, памяти и наследия как части современной жизни требует не только теоретического анализа, но и разработки стратегий сохранения уходящего, испытанного временем и разрушаемого временем слоя культуры.

Библиографический список

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. URL: <http://enc-dic.com/brokgaue/Arhiv-135010.html> (дата обращения: 15.03.2013).
2. Дильтей В. Литературные архивы и их значение для изучения истории философии. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/plotnikov/transitions/03_archiv.htm (дата обращения: 15.03.2013).
3. Фуко М. Археология знания: пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова / общ. ред. бр. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
4. Копп-Оберштебринк Г., Шипке К. Понятие «архив» между теорией и практикой. URL: http://urokiistorii.ru/memory/arc/51650#footnoteref15_fyn8kge (дата обращения: 15.03.2013).
5. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2-pr.html> (дата обращения: 15.03.2013).
6. Рикер П. Память, история, забвение. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/22.php (дата обращения: 15.03.2013).

7. Хайдеггер М. Исток художественного творения. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/Ist_02.php (дата обращения: 15.03.2013).
8. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/192028/Наследие> (дата обращения: 15.03.2013).
9. Современный толковый словарь. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-38423.htm> (дата обращения: 15.05.2013).
10. Люббе Г. В ногу со временем: о сокращении нашего пребывания в настоящем. URL: <http://www.philosophy.ru/library/vopros/35.html> (дата обращения: 15.05.2013).
11. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 174 с.

*S.V. Solovyova**

TRADITION AND MEMORY AS AN ARCHIVE OF CULTURE: PHILOSOPHICAL REFLEXION OF HERITAGE

In the article the idea that in modern culture there are two ways of memorization of meanings of the past – tradition and heritage is expressed. The comparative analysis of categories allowed to reveal specifics of their contents and value for «hyper archive» of culture.

Key words: culture, tradition, heritage, memory, archive.

* *Solovyova Svetlana Vladimirovna* (metaphisica@rambler.ru), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation; the Dept. of Philosophy and Political Science, Samara State Academy of Culture and Arts, Samara, 443010, Russian Federation.